

В этой книге совсем нет фантастики. И Альтернативной Истории нет. Потому что альтернативы в 1937-м уже не было. Она за-поздала лет на десять. Но читать эту книгу не менее страшно, чем самый жуткий ужастик. Страшно, но надо.

Автор не касается успехов в промышленности и экономике, достижений в науке, фантастических перелетов Чкалова, мировых рекордов советских дирижаблей, достижений в науке, других важных событий в жизни страны. А сконцентрировал свое внимание исключительно на 1937 годе и судьбах и чаяниях известных в свое время людей. Которых просто ломали через колено. Так всегда бывает, когда группка преступных единомышленников захватывает власть, наплевав на Конституцию, законы, нормы, традиции. Исподволь пестуя свое окружение, вождь довел страну до того, что в ней стало учитываться только одно мнение. Его мнение. Расправившись с оппонентами, собрал вокруг себя стаю «волков», которые приняли Его правила «игры» и не за какие-то мизерные блага, а за страх рвали всех подряд своими острыми клыками. Ибо несменяемость власти рождает ложное чувство собственной исключительности и безнаказанности. И самое интересное, что личной выгоды или какого-либо безудержного обогащения эти люди не искали. Им этого не позволял вождь. Да и они искренне верили, что железной рукой можно загнать народ в счастливое будущее. И ничего, что щепки летят, когда лес рубят. Главное – работа спорится!

Некоторые историки сейчас истово доказывают, что репрессии не имели такого жуткого масштаба. Для подтверждения этих слов берутся цифры пострадавших от чисток людей и делятся на все годы советской власти. Получается, вроде, немного: всего сто тысяч в год. Но ведь за каждой судьбой стоит целая вселенная чувств, мыслей, дел и стремлений. Судьбы их семей и детей. И сколько они не совершили полезного для родной страны! А потом, кто определил: сто

тысяч это много или мало? А если именно ваши родные попали в это число? И почему-то забывают, что 83 процента из общего числа пострадали именно в годы Больших репрессий. Людей жестоко пытали не для того, чтобы узнать какую-то страшную правду, а чтобы они просто максимально оклеветали себя.

Появилось и мнение, что Сталин пытался ликвидировать саму возможность «пятой колонны» на случай войны с Германией. Что, изучалось общественное мнение? И это была расплата за мысли? И можно подумать, что в планах Гитлера не было задачи уничтожения «недоразвитых» славян и освобождения земель для третьего рейха.

Мама автора этой книги до войны проживала в Ленинграде на улице Глазовой, 4. В их квартире жили 6 семей. И в четырех жены не дождалась мужей, сгинувших без следа. Вот вам и вся статистика. Конечно, рассказать обо всех жертвах сталинского режима – невозможно. Имя им – миллионы граждан СССР. В подавляющем большинстве своем – невинных, искренне желавших благоденствия своей Родине.

Часть I. ЯНВАРЬ — МАРТ 1937 года

Новый 1937

1 января 1937 года:

Начался страшный 1937 год, который, вместе с 1938-м, традиционно считается годом «большого террора», хотя репрессии начались задолго до него и продолжались многие годы после. По самым осторожным оценкам, уже в январе 1937 года в тюрьмах и лагерях находилось 5 миллионов человек. Между январем 1937 и декабрем 1938 года было арестовано около 7 миллионов человек, расстреляно около 1 миллиона, умерло в заключении около 2 миллионов человек.

«Правда» 1 января открылась передовой «Нас ведет великий

кормчий». Статья заканчивалась красноречивым панегириком: «Советский корабль хорошо оснащен и хорошо вооружен. Ему не страшны штормы. Он идет по своему курсу. Его корпус сооружен гениальным строителем для борьбы со враждебной стихией в эпоху войн и пролетарских революций. Его ведет гениальный кормчий Сталин». Здесь же на первой полосе был помещен огромный портрет вождя, возвышающегося над людским морем. Кто-то в этом «море» нес и небольшой портрет Ленина.

5 января 1937 года:

Арестован Василий Владимирович Шмидт, большевик с 1905 года, участник Октябрьской революции, нарком труда РСФСР/СССР в 1918–1928 годах, переведенный в 1933 году в Хабаровск: сначала на должность заведующего краевым коммунальным отделом, затем — пред-

седателя Хабаровского горсовета. В июне 1937 года Шмидта приговорили к 10 годам лишения свободы, а через год — к расстрелу.

6 января 1937 года:

В СССР в 00.00 6 января завершилась всесоюзная перепись населения. С начала января почти миллион проверенных счетчиков начал предварительный поголовный обход населения, готовясь к ночи с 5 на 6 января, когда должен был быть учтен каждый человек. 5 января в 23.00 счетчики пошли по вагонам всех поездов. Ровно в полночь начали опрос в залах ожидания на всех станциях. А с утра вновь обошли все квартиры с вопросом, не ночевал ли кто. К переписи готовились с апреля 1936 года, твердили: пройти перепись — это долг советского человека. Граждане вели себя сознательно и дисциплинированно, с готовностью докладывая о выехавших в другой город или деревню, о ночевавших гостях. 7 января газеты и радио сообщили, что пере-

пись прошла успешно. Предварительные итоги должны были обнародовать 10 января, а к 10 февраля опубликовать окончательные данные. Но прошло 10 января, затем 10 февраля, однако ни местные, ни центральные газеты не сообщили итогов переписи. Лишь 25 сентября громыхнуло постановление Совнаркома, где перепись была признана «неудовлетворительной» и осуждена за «грубейшие нарушения элементарных основ статистической науки». На январь 1939 года была назначена новая перепись.

Чем же не угодила перепись нашему руководству? Поскольку данные той переписи до сих пор так и не обнародованы, то можно предположить следующее. В советских статистических справочниках в 1970-е годы появилась такая цифра: на 1 января 1937 года в стране проживало 165,7 миллиона человек (кстати, перед выборами в декабре 1937 года во всех речах и газетах упоминалась цифра в 170 миллионов человек). Весьма профессиональная

Антонов-Овсеенко с женой Розалией и детьми в Праге на дипломатической работе, 1925 год

и тщательная перепись декабря 1926 года показала, что в стране проживало 147 миллионов человек. По расчетам статистиков и демографов, население страны к 1937 году должно было возрасти до 180 миллионов человек. Однако прогноз не оправдался. А.В. Антонов-Овсеенко, сын расстрелянного крупного партийного деятеля В.А. Антонова-Овсеенко, в своей книге «Портрет тирана», ссылаясь на устные свидетельства немногих уцелевших работников Центрального управления народнохозяйственного учета при

Госплане СССР, назвал итоговую цифру переписи 1937 года — 156 миллионов человек (по свидетельствам современников, в 1937 году в НКВД говорили, что численность населения оказалась всего 147 миллионов).

Но примем за основу официальные советские данные и данные А.В. Антонова-Овсеенко — 165,7 миллиона человек и 156 миллионов. Если учесть, что счетчики, в соответствии с полученными указаниями, не переписывали лиц, предъявлявших удостоверения военного командования или

органов НКВД (они подлежали переписи в особом порядке), и, разумеется, не переписывали тех, кто сидел в тюрьмах и лагерях или жил в спецпоселках, то получается, что в стране не досчитались, по меньшей мере, 8 миллионов человек.

Куда они исчезли? Первый вариант: 8 миллионов — это РККА+НКВД+ГУЛАГ. Второй вариант: возможно, страна вступила в 1937 год, уже имея 8-миллионный ГУЛАГ, и именно эту цифру в 1970-е годы Центральному статистическому управлению разрешили под строжайшим секретом прибавить к итоговой цифре 1937 года. Однако нельзя игнорировать и прогнозируемую цифру — 180 миллионов. В конце концов, сколько заключенных было в СССР, Сталин, несомненно, знал, и не стоило особого труда просто приплюсовать эти 8 миллионов к итоговым цифрам, а в газетных отчетах «разбросать» их по всем городам и весям. Но «пропажа» еще 14 миллионов человек — видимо, столько стоили стране коллективизация, голод 1932–

1933 годов и начавшиеся расстрелы — могла поразить даже Сталина. Кроме этого, в опросных листах переписи содержались вопросы об образовании, об отношении к религии. До января 1937 года все газеты трубили о том, что перепись продемонстрирует «всему миру языком точных цифр величайшие победы социализма».

Доподлинно известно, что в январе 1937 года 57 (!) процентов населения страны открыто признали себя верующими. Сколько неграмотных выявила перепись 1937 года, мы не знаем. Перепись 1939 года показала, что в стране было всего 15,9 миллиона человек, получивших высшее и среднее (полное и неполное) образование, а на тысячу населения в возрасте 10 лет и старше таковых было всего 108 человек. Эти данные плюс «пропажа» многих миллионов, видимо, и побудили назвать перепись 1937 года «вредительской», а ее руководителей и организаторов — расстрелять.

8 января 1937 года:

Писателя Галину **Серебрякову** привезли из больницы в Бутырскую тюрьму, сорвали с нее одежду и бросили в темный ледяной карцер. После ареста мужа — Григория Сокольникова — в июле 1936 года ее исключили из партии, но еще не арестовали, а каждую ночь возили на допросы на Лубянку, где нарком НКВД Ягода и его заместитель Агранов требовали от нее лжесвидетельствовать против собственного мужа. На одном из допросов Серебряковой передали записку от Григория Яковлевича. Раскрыв бумажку, она хотела вернуть ее назад, не узнав какой-то странный, детский почерк. И все же это писал Сокольников: «Галя, я не вернусь. Ты должна подумать, как построить отныне свою жизнь». Доведенную до тяжелого психического расстройства, пытавшуюся покончить с собой, Серебрякову поместили в буйное отделение психиатрической больницы имени Кащенко. В бутырском карцере она провела 10 суток, отказываясь от пищи

и воды. Обессиленная, лежа на цементном полу, испытывая физические страдания от язв, покрывших тело, от холода, она мечтала только о смерти. Как-то ночью сквозь волчок на нее упал свет и за дверью раздался дикий мужской крик. Если ее показывали Сокольникову, то можно представить, что пережил он, увидев жену в каменной яме.

Через две недели на процессе никогда не существовавшего «Параллельного антисоветского троцкистского центра» Сокольников дал все нужные показания, поверив, наверное, что от этого будет зависеть освобождение жены. Мать Серебряковой заставили на Лубянке под диктовку написать ему, что Галина Иосифовна дома, вполне счастлива, а книги ее печатаются. Серебрякову вскоре действительно освободили, но очень ненадолго.

10 января 1937 года:

Через полтора часа после вынесения приговора расстрелян единственный большевик, вступивший в открытую борь-

бу со Сталиным, 46-летний Мартемьян Никитич **Рютин** (1890–1937), кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1927–1930), член Президиума ВСНХ СССР (1930). Он прославился своим рукописным обращением «Ко всем членам ВКП(б)» (1930), в котором обвинил Иосифа Сталина в извращении ленинизма и узурпации власти. Столкнувшись с непреклонностью Рютина, Сталин отказался от попыток «пропустить» его через открытый политический процесс. На закрытом суде Рютин от дачи каких-либо показаний отказался и был признан виновным в том, что на протяжении нескольких лет проводил активную борьбу против руководства ВКП(б) и являлся главой созданной им контрреволюционной организации — так называемого «Союза марксистов-ленинцев». Вскоре погибли его жена и двое детей.

★ ★ ★

После закрытого суда расстрелян видный большевик 44-летний Ивар Тенисович

Смилга (1892–1937). Он был членом ЦК РСДРП/РКП(б) (1917–1920), во время Гражданской войны командовал армией и фронтом, по ее окончании стал крупным хозяйственным руководителем, входившим в «левую оппозицию». По словам Молотова, Смилга на следствии заявил «Я — ваш враг».

★ ★ ★

Расстрелян один из создателей комсомола, 34-летний Лазарь Абрамович **Шацкин** (1902–1937), участник борьбы за установление советской власти в Москве, красный боец Гражданской войны, член партии с 1917 года, один из организаторов Московского комитета комсомола. Член ЦК (1918–1922), 1-й секретарь (1920–1921) ЦК РКСМ и одновременно 1-й секретарь исполкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМ, 1919–1921). Член ЦК ВЛКСМ (1926–1928) и ЦК ВКП(б) (1927–30). В 1930 году «за фракционную деятельность» был выведен из партийных органов.

20 января 1937 года:

Нарком НКВД Н.И. Ежов подписал секретный указ, которым предписывалось во всех актах расстрела мест захоронения не указывать.

23 января 1937 года:

В Москве начался (23–30 января) восьмидневный открытый политический судебный процесс по делу придуманного чекистами «Параллельного антисоветского троцкистского центра», по которому проходили 17 обвиняемых, в числе которых были такие крупнейшие партийные деятели, как Юрий (Георгий) **Пятаков**, Григорий **Сокольников**, Карл **Радек**, Леонид **Серебряков**, Николай **Муралов**. Первым давал показания Пятаков. Он принял на себя ответственность за организацию вредительства на производстве: составление «совершенно неправильного плана развития военно-химической промышленности», ввод в эксплуатацию «негодных коксовых печей». Обвинение в шпионской деятельности Пятаков признал

в самой общей форме, на конкретные же вопросы отвечал твердо «нет» за единственным исключением: он очень охотно и подробно рассказывал о своей встрече с Львом Седовым (сыном Троцкого) в Осло в декабре 1935 года. И тут случился конфуз: норвежская пресса уже 25 января сообщила, что, согласно документам, ни один самолет гражданской авиации в декабре 1935 года на указанный Пятаковым аэродром не приземлялся. Однако обвинение это не смутило. 27 января Вышинский, упомянув эту публикацию, зачитал официальную справку НКВД: «Консульский отдел Народного комиссариата иностранных дел доводит до сведения прокурора СССР, что, согласно полученной полпредством СССР в Норвегии официальной справке, аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год, согласно международных правил, аэропланы других стран, и что прилет и отлет аэропланов возможны и в зимние месяцы». Таким образом, НКВД «удостоверил» не факт нелегального прилета Пя-

Рыков на обложке журнала Time от 14 июля 1924 года

такова, а просто техническую возможность такого полета.

Уже в первый день процесса была упомянута группа «заговорщиков» во главе с Бухариным, Рыковым и Томским. Все обвиняемые признались в инкриминированных им преступлениях; Зиновьева и Каменева Сталин взял обманом, Пятакова и его «подельцев» — пытками.

Все советские газеты сразу после начала процесса заголовками: «Шпионы и убийцы», «Торговцы Роди-

ной», «Троцкист — вредитель — диверсант — шпион», «Подлейшие из подлых».

Поэт Виктор Гусев писал:

... Родина!

*Видишь, как мерзок враг.
Неистовый враг
заводов и пашен,
Как он подбирался
с ножом в руках
К сердцам вождей,
а значит — и к нашим...
Суд окончит свои заседания.
Огни погасит судебный зал.
В конце их
гнутого существования
Волей народа
раздастся
залп.*

Истории, охватившей весь Союз, поддались даже отнюдь не глупые люди. Через месяц после окончания процесса Мария Анисимовна **Сванидзе**, жена брата первой жены Сталина, интеллигентная женщина, хорошо знакомая с основными обвиняемыми, записала в дневнике: «Душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня.

Хотелось бы их пытаться, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими. Торговцы родиной, присосавшийся к партии сброд. И сколько их. Ах, они готовили жуткий конец нашему строю, они хотели уничтожить все завоевания революции, они хотели умертвить наших мужей и сыновей. Они убили Кирова, и они убили Серго¹. Серго умер 18 февраля, убитый низостью Пятакова и его приспешников»².

24 января 1937 года:

На второй день московского процесса «Параллельного антисоветского троцкистского центра» устроил яркое представление Карл Радек. В то время как другие обвиняемые говорили вяло и угрюмо, Карл Бернгардович, который, как стало доподлинно известно уже в наше

время, принимал активное участие в разработке сценария всего этого дела, красочно и со вкусом произнес целую речь о троцкизме, перечислил целый ряд новых террористических групп, возвел обвинение на Николая Бухарина и стал наиболее полезным для суда и убедительным обвиняемым. Однако когда Вышинский, любивший задавать обвиняемым неожиданные вопросы и выворачивавший ответы наизнанку, попробовал проделать то же и с Радеком, то получил несколько острых отповедей (Радек позволял еще себе язвить: «Вы глубокий знаток человеческих душ, но я, тем не менее, изложу мои мысли собственными словами»). На вопрос Вышинского: «Вы это приняли? И вы вели этот разговор?» Радек парировал: «Вы это узнали от меня, значит, я и вел этот разговор». Вышинский напомнил Радеку, что тот не только не донес о заговоре, но также отказывался давать показания в течение трех месяцев, и спросил: «Не ставит ли это под сомнение то, что вы сказали относительно

¹ Орджоникидзе.

² Как известно, обстоятельства убийства Кирова и самоубийства Орджоникидзе полны загадок и несоответствий, которые наводят на мысли о том, что оба они были убиты по приказу Сталина. Сама Мария Анисимовна и ее муж будут расстреляны — разумеется, не троцкистами, их сын попал в лагерь.

но ваших колебаний и дурных предчувствий?» В ответ Карл Бернгардович указал на слабейший пункт всего дела: «Да, если вы игнорируете тот факт, что узнали о программе и об инструкциях Троцкого только от меня, — тогда, конечно, это бросает сомнение на то, что я сказал... Все прочие показания других обвиняемых покоятся на наших¹ показаниях. Если вы имеете дело с чистыми уголовниками, то на чем вы можете базировать вашу уверенность, что то, что мы сказали, есть правда, незабываемая правда?» Вопрос остался без ответа; председательствующий поспешил объявить перерыв.

★ ★ ★

В дни московского процесса (как, впрочем, и до, и после него) НКВД продолжал трудиться, не покладая рук, выискивая все новых контрреволюционеров и троцкистов. Чтобы понять, какая была атмосфера в стране, какая логика двига-

ла следователями и что вообще считалось контрреволюционным преступлением, приведем частный пример. 24–26 января шел допрос арестованного историка-марксиста Н.Н. Ванага. Следователь сказал: «Следствию известно, что на историческом участке теоретического фронта вы и другие историки-троцкисты протаскивали в своих трудах троцкистскую контрабанду. Надо полагать, что этого обстоятельства вы не будете теперь отрицать на следствии?» Историк не отрицал, более того, он полностью признал свою вину в «протаскивании контрабанды, угрожающей социалистическому строю», которая заключалась в следующем: «Исключительное подчеркивание отсталости капиталистического развития России, отрицание относительной прогрессивности таких факторов, как реформа 1861 года... Сознательное игнорирование истории отдельных народов СССР, входивших ранее в состав Российской империи... В проспекте и в учебнике по истории СССР я сознательно идеализи-

---

¹ Радека и Пятакова.

ровал народническую борьбу с царизмом...» За это, а также за «подчеркивание организованности, целеустремленности и силы отдельных крестьянских движений и отдельных крестьянских бунтов» (разумеется, в царской России) Ванага 8 марта 1937 года расстреляли.

26 ЯНВАРЯ 1937 ГОДА:

Газета «Правда»:

Озверевшие подлецы

Нет помалы изменникам нашей дорогой родины. Озверевшие подлецы, предатели хотели разорвать ее на куски и отдать фашистам. Они готовили террористические акты над нашими дорогими вождями, лучшими сынами нашей родины. Нет слов, чтобы выразить громадную ненависть к троцкистским преступникам.

К троцкистской банде должна быть применена высшая мера наказания, и я надеюсь, что Верховный суд скажет свое грозное слово.

**Народная артистка Союза ССР
М. М. БЛОМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА.**

Великий патриотизм и великая ненависть

(Фабрика «Ява», Москва)

Давно на «Яве» не было такого бурного, взволнованного, многолюдного собрания. Речь шла о самом святом и драгоценном — о счастье и чести родины. Тем временем в трех километрах от фабрики, в зале Дома союзов, шло другое заседание: Верховный суд судил банду гнусных предателей...

— Я задумала бы этих троцкистских зверей собственными руками, — говорила сортировщица Грибова. — Мы горячо любим свою родину, свой народ, свою партию, своего Сталина. Это — самое святое, что есть у нас... Нас не собьешь с великого ленинского пути. Пусть знают подлые изменники: рабочие и весь трудовой народ ненавидят их лютой ненавистью.

Смоляникова, оставив своих детей на попечение зала, взошла на трибуну, и голос ее задрожал от гнева и волнения:

— Наши дети видят хорошую жизнь. Для них делается все, чтобы они были счастливы. Ну, разве дадим мы фашистско-троцкистской погани марать нашу землю? Разве для этого наши мужья и братья проливали кровь на фронтах? Создан СССР — могучая наша страна! Кто смеет торговать родиной? Иуда-Троцкий! У него нет родины, он проклят нами, пусть же погибнет, как собака!

Механик гильзового цеха Жуков сказал: — Троцкий и его приказчики отдавали немцам Украину, японцам — Приморье.

Им разве жаль? Они продались капиталистам-фашистам и готовы всей душой служить им. Ну что же! Ответ может быть один: за измену родине — смерть!

Старая работница Любкина говорила, задыхаясь и негодуя:

— Нельзя спокойно говорить. Ведь как же сволочь!.. 19 лет назад мы свалили кровопийц-хозяев... А они... Опять их нам на шею...

Молодая работница Терехова первый раз в своей жизни держала такую большую речь.

— Вы смотрите, Троцкий делит нашу страну, как свои деньги: вот это — тебе, а это — тебе. Видали?! Мой отец погиб на фронте, мои братья стали инвалидами, защищая свой народ и революцию, а этот Иуда торгует, как лавочник. Кровью моего отца торгует! Кто же это им позволяет?! Они травили рабочих-стахановцев, они убивали красноармейцев, они убили дорогого Сергея Мироновича, они хотели убить нашего Сталина, нашего Молотова. Прямо скажу: мы, работницы, разорвем на куски всех, кто попытается отнять у нас наших вождей...

Когда рабочий Вимбрадзе зачитал резолюцию и произнес гневные слова: «расстрелять предателей всех до одного!», — зал ответил громом аплодисментов.

Н. КРУЖКОВ.